

ГЛОБАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

УДК 330.3

В. В. Лукашевич, С. Ф. Сутырин

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС: НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ И ВЫЗОВЫ

В самом общем виде любой кризис можно определить как реакцию сложной системы на нарушение баланса (основополагающих пропорций) между ее элементами, наступающую тогда, когда разбалансированность превышает определенные допустимые пределы. Такая реакция в большинстве случаев имеет характер достаточно сжатый во времени и довольно болезненный. В результате кризиса происходит либо восстановление нарушенных пропорций, что обеспечивает возможность дальнейшего нормального функционирования (поступательного развития), либо разрушение системы как таковой.

Приведенная общая трактовка кризиса применима и к конкретному случаю кризиса современной экономической системы. При обсуждении разворачивающихся процессов активно используются понятия «финансовый кризис», «экономический кризис», «кризис капитализма». Все они довольно тесно связаны друг с другом, хотя и не являются идентичными, имея собственный фокус. Во-первых, речь идет об относительно независимой подсистеме национальной экономики, образуемой различного рода финансовыми посредниками, выполняющими свои функции с помощью широкого набора финансовых инструментов. В прошлом многие кризисные явления начинались именно в финансовом секторе, нынешний кризис продолжает эту «традицию». Во-вторых, понятие «экономический кризис» может использоваться в двух значениях. Оно относится или ко всей экономической системе (включая финансовую подсистему), или к тому,

Сергей Феликсович СУТЫРИН — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики СПбГУ. Окончив Экономический факультет, с 1974 г. преподает в Университете. В 1978 г. защитил кандидатскую диссертацию. Стажировался в Лондонской школе экономики (1980–1981) и Банке Финляндии (1995–1996). Читал лекции в университетах Германии и Финляндии. Область научных интересов — международные экономические отношения, история экономической мысли. Автор более 120 научных работ, в том числе 4 монографий. Пятнадцать работ опубликованы в США, Германии, Норвегии и Финляндии.

Виктор Владимирович ЛУКАШЕВИЧ — канд. экон. наук, доцент кафедры мировой экономики Экономического факультета СПбГУ. Окончил Экономический факультет ЛГУ (1976) и аспирантуру (1982). В 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию. Автор более 40 научных и учебно-методических публикаций, в том числе ряда коллективных монографий. Сфера научных интересов — мировая экономика, экономическая теория, региональные экономические объединения.

© В. В. Лукашевич, С. Ф. Сутырин, 2009

что часто именуется, в отличие от финансовой подсистемы, «реальным сектором», основными элементами которого являются промышленное производство, сельское хозяйство, строительство. С этой точки зрения оба значения предполагают распространение кризисных явлений за пределы финансовой подсистемы, что существенно усложняет ситуацию. Наконец, в-третьих, понятие «кризис капитализма» относится к социально-экономическому типу общественного устройства, существующего в настоящее время в большинстве стран мира. Здесь, в отличие от двух первых понятий, описывающих то, что происходит, основной акцент делается на том, почему именно это происходит и возможно ли избежать аналогичных явлений в будущем.

Следуя предложенной трактовке, ответ на вопрос, почему возник кризис, непосредственно связан с природой капиталистического общества. Объединив два последних из приведенных выше понятий, мы получаем еще одно – «кризис экономики современного капитализма». В этом случае речь идет об определенных макроэкономических пропорциях (между различными секторами экономики и ее отдельными отраслями, между сбережениями и инвестициями, между производством и потреблением и т. п.), необходимых для более или менее устойчивого развития любой национальной экономики, и о капитализме как об особом социально-экономическом типе хозяйства, для которого рынок выступает в качестве основного инструмента координации деятельности хозяйствующих субъектов. Едва ли можно представить себе капиталистическую экономику без наличия миллионов различных независимых экономических субъектов принятия решений, каждый из которых в отдельности стремится к улучшению своего благосостояния. Так, только в 19 странах ЕС к 2003 г. насчитывалось более 19 277 000 одних лишь мелких и средних предприятий, на которых было занято 97 420 000 человек, в США в 2000 г. их число составляло 21 164 000, а в Японии в 2001 г. оно равнялось 4 690 000. Все это постоянно растущее множество субъектов действует в непрерывно меняющемся потоке экономически значимой информации и вынуждено непрерывно принимать рациональные деловые решения. Суммарное число сверхкрупных предприятий в этих трех мировых регионах приближалось к 115 [10]. Очевидно, к их разряду относятся в основном многонациональные по сфере деятельности предприятия.

Между тем координационный потенциал рыночного механизма всегда был ограниченным. В этих условиях постепенное накопление разбалансированности и диспропорций представляется неизбежным, в конечном счете вызывая экономические кризисы. В целом, даже принимая во внимание довольно высокий уровень государственного регулирования, характерный для многих стран с развитой экономикой в Западной Европе и Восточной Азии, капитализм не имеет реальной альтернативы кризису в качестве инструмента восстановления упомянутых выше пропорций.

В течение ряда последних десятилетий функционирование экономической системы испытывает на себе сильнейшее воздействие совокупности императивов глобализации. Как таковая она заставляет компании расширять географические рамки своих операций (начиная с НИОКР и производственной деятельности и кончая доведением продукции до непосредственного потребителя и организации послепродажного обслуживания) далеко за пределы национальных границ, охватывая все основные экономические регионы земного шара. Все это приводит к созданию международных сетей, функционирующих под частным контролем и раскинувшихся на нескольких континентах. Возросшая сложность системы требует большей точности регулирования. Между тем оно, хотя и опирается на систему сложившихся в последние десятилетия международных институтов и взаимосвязей, по-прежнему преимущественно базируется на тех же рыночных принципах. Более того, в результате глобализации отдельные локальные диспропорции в рамках

сложившихся сетей распространяются в международном масштабе, затрагивая подавляющее большинство стран мира. Текущий кризис демонстрирует это со всей очевидностью.

В ходе многочисленных дискуссий, которые ведутся сегодня о причинах, природе современного кризиса, возможных путях выхода из него, активно пропагандируется идея возникновения «нового капитализма» [1; 8; 19]. В этой связи представляется целесообразным обратить внимание на следующее обстоятельство. Сам термин «капитализм» как таковой в силу различных причин не является нейтральным. Негативное отношение к нему характерно для значительной части населения планеты. Далеко не случайно «капитализм» не смог получить такого же статуса, как его конкурент и потенциальная альтернатива — «социализм». Последний, как известно, сравнительно недавно входил в официальные названия ряда стран (Союз Советских Социалистических Республик, Социалистическая Федеративная Республика Югославия и т. п.). В отличие от этого ни Соединенных Капиталистических Штатов Америки, ни Федеративной Капиталистической Республики Германии никогда не существовало, едва ли можно ожидать их возникновения и в будущем. Даже Фридрих фон Хайек, заслуженно именовавшийся рядом СМИ «первосвященником свободного рынка», в одном из своих интервью заявил, что слово «капитализм» было придумано врагами рыночной системы и создает ошибочное представление, что система действует только в интересах капиталистов [13].

Заметим далее, что в сочетании с существительным «капитализм» прилагательное «новый» также не представляется исторически уместным или многообещающим. Действительно, история капиталистического общества сопровождалась экономическими кризисами различной глубины и продолжительности уже без малого два века (первый кризис произошел в 1825 г.). По сравнению с первой половиной XIX столетия капитализм претерпел целый ряд трансформаций, неоднократно обновлялся. Но все это не смогло освободить его от кризисов. Таким образом, если мы хотим получить что-то действительно новое, то необходимо изменить основы системы, и она перестанет быть капиталистической*. Если же мы отдаем предпочтение капитализму, то необходимо сохранять его основу, и тогда новизна будет носить весьма ограниченный характер^{2*}.

Вместе с тем текущий кризис наглядно продемонстрировал, что современная экономика нуждается в создании комплексной системы регулирования, действующей на субнациональном, национальном, региональном и глобальном уровнях. Ключевой вопрос заключается в том, как сделать эту систему управления устойчивой и приемлемо эффективной. Во-первых, национальные государства могут воспринимать международное регулирование как своего рода угрозу их экономическому суверенитету. Во многих случаях такая обеспокоенность имеет под собой определенные основания. Во-вторых, определенный конфликт в процессе регулирования возникает между региональным и глобальным уровнями. Например, произошедший за последние 10–15 лет впечатляющий рост числа региональных торговых группировок в известной мере подрывает те универсальные правила ведения международной торговли, за выработку и соблюдение которых отвечает Всемирная торговая организация (ВТО). Дело в том, что она строит свою деятельность на основе принципа недискриминации, в то время как региональные торговые группировки по определению предоставляют те или иные привилегии в торговле на селективной основе, тем самым дискриминируя третьи страны. Тем не менее потребность в комплексном регулировании как таковом не может быть поставлена под сомнение^{3*}.

Что, по нашему мнению, необходимо для того, чтобы гипотетическая система регулирования глобальной рыночной экономики функционировала успешно? Как представляется, приемлемый вариант решения связан с использованием сетевого подхода

и формированием сетевой модели глобального регулирования. В рамках этой модели национальные государства активно сотрудничают с различными международными, национальными и субнациональными институтами, представляющими бизнес-сообщество, а также с неправительственными организациями. Ведущие современные международные организации (ВБ, ВТО, МВФ и др.) должны предпринять серьезные усилия для того, чтобы соответствовать новым складывающимся реалиям. Конструктивный диалог с академическим миром, средствами массовой информации, профсоюзами и другими заинтересованными сообществами также имеет принципиальное значение. Модель, о которой идет речь, предполагает отсутствие формальной а priori устанавливаемой иерархии. Те или иные варианты конфигурации сети и распределения ответственности между ее участниками в каждом отдельном случае должны определяться конкретной задачей, стоящей на повестке дня [4; 17]. Подобный подход будет способствовать лучшей координации деятельности различных субъектов регулирования. В то же самое время благодаря тому, что потенциальные оппоненты тех или иных предполагаемых мер по регулированию оказываются вовлеченными в дискуссию, модель обеспечивает своего рода «паровой клапан», позволяющий снизить политическую и социальную напряженность. Чрезвычайно важно отметить и то, что рассматриваемый сетевой подход полностью совместим с сохранением национальных государств. Более того, последние сохраняют свою уникальную нишу, которую в обозримом будущем не сможет занять никакая иная институт. Речь идет о выработке национальной стратегии развития, в частности, экономической стратегии.

Более подробная характеристика разворачивающегося кризиса предполагает, в том числе и анализ изменений, которые произошли под воздействием кризиса в глобальной экономической ситуации. Представляется целесообразным признать, что современный капитализм как система хозяйства, несмотря на всю очевидную остроту, драматизм и масштабы переживаемого сегодня момента, далек от исчерпания заложенного в нем потенциала исторического развития. Нам определенно предстоит быть свидетелями длительной череды как циклических, так и структурных дисфункций «нормального» экономического роста, причем «классические» девиации от процесса экономического циклического развития, исследованные и описанные еще в XIX в. и совпадающие с моделями, предложенными тогда, например, К. Жюгларом [11] и К. Марксом, будут встречаться исследователям все реже^{4*}. Причина проста и заключена в сравнительной доступности и, возможно, именно в силу этого, в относительной исторической исчерпанности стандартного антициклического макроэкономического инструментария: регулирования макроэкономического баланса в терминах модели AS — AD путем воздействия на процентную ставку, норму обязательных банковских резервов и осуществления операций на открытом рынке с государственными ценными бумагами. Глобальная экономика знания находится лишь в начальной фазе своего становления и принесет будущим аналитикам новые нерешенные микро- и макрокризисные процессы.

Вопрос о степени разрушительности конкретных кризисов в каждом случае носит исторически детерминированный характер. Нынешний кризис в данном случае не является исключением. Уже сегодня становится очевидным, что он вполне сопоставим по ряду своих качественных характеристик и масштабу с Великой депрессией 1929–1933 гг. Сопоставление этих двух кризисов интересно тем, что они наступили после длительного, десятилетнего периода непрерывного устойчивого процветания (по крайней мере, в благополучной послевоенной процветающей Америке (1919–1929 гг.) и в зоне пресловутого «золотого миллиарда» в настоящее время), причем этот рост происходил в условиях

стабильного и самоподдерживающегося (как казалось тогда) экономического роста, растущих цен на базовые промышленные и (в недавние двадцать лет) сырьевые товары, общей благоприятной мировой конъюнктуры, многолетнего поступательного развития национальных и мировой финансовых систем и непрекращающегося притока ликвидности на национальные и мировые рынки.

Вместе с тем сегодня в силу ряда причин выводы и оценки, касающиеся текущего кризиса, по необходимости носят некий предварительный характер. Во-первых, невозможно с уверенностью утверждать, что «нижние точки» падения базовых индикаторов мировой динамики уже достигнуты^{5*}. Во-вторых, в условиях глобальной постиндустриальной экономики, которую принято характеризовать как информационное общество, возрастает (по сравнению с «прежним», индустриальным этапом эволюции мировой экономики) уровень неопределенности, возникающей в результате существенного отклонения базовых экономических параметров от привычных.

Каковы причины роста этой неопределенности? Здесь недостаточно ограничиться простой констатацией пресловутого «усложнения явлений общественной жизни». Когда сегодня предпринимается попытка осмыслить ход и стремительность многообразия кризисных процессов, исследователи неизбежно сталкиваются с некой чертой, без учета которой оказывается невозможно оценить масштабы и направления развертывания нынешнего кризиса. Речь идет о роли информации в развертывании современных хозяйственных процессов.

Становление информационного общества («общества знания») породило целый ряд новых явлений. С одной стороны, его экономическое существование становится все более зависимым от объемов и качества экономически значимой, доступной всем субъектам, принимающим решения, информации. А это, в свою очередь, порождает все более совершенные технические средства генерирования, обобщения и мгновенной ее передачи в глобальных масштабах. С другой стороны, использование информации, предназначенной для принятия решений, необязательно приводит к принятию экономически адекватных решений. Проблема их адекватности связана с многообразным пониманием рациональности в экономической теории и имеет к нынешнему кризису самое непосредственное отношение.

Это противоречие не было свойственно «классическому» рынку А. Смита — Ф. фон Хайека, генерировавшему информацию о цене как об индикаторе редкости (ограниченности ресурсов) в качестве фундаментального результата «процедуры открытия», механизмом которого являлась конкуренция^{6*}. Глобальный рынок начала XXI в., о чем косвенно свидетельствуют имеющиеся данные, уже не в полной мере справляется с «хайековской» задачей «процедуры открытия». Кризисы как циклическая форма развития были известны с 1825 г. Но кризис, блокировавший, по крайней мере частично, генерацию достоверной информации о динамике редкости — ограниченности, т. е. потребностей, — явление в экономике относительно новое. Использование одного и того же массива информации разными хозяйственными субъектами при принятии ими конкретных экономических решений опосредуется не некими едиными для всех абстрактными соображениями о рациональности (согласно которым абстрактный предприниматель максимизирует прибыль, а не менее абстрактный покупатель — полезность), а существенно более широким спектром ценностей. Здесь и их (агентов экономической деятельности) объективное место в разноразмерной системе отношений собственности, их экономические ожидания, их представления о системе материальных и духовных ценностей, и многое, многое другое.

Принимая во внимание сделанные относительно возрастания роли информации замечания, остановимся на отдельных наиболее ярких особенностях нынешнего мирового кризиса. К их числу относится стремительность распространения кризисных процессов, что подтверждает идею роста значения информированности хозяйствующих субъектов о состоянии конъюнктуры.

Нынешний кризис начался на рынке недвижимости США первоначально как сугубо отраслевой кризис ипотечной задолженности практически немедленно охватил финансово-кредитные рынки и поставил под угрозу стабильность всей банковской системы развитых стран мира. В отдельных СМИ появились характеристики кризиса как наступающей катастрофы. Особенность ситуации заключалась в том, что кризис ипотечной системы США, по существу традиционно воспринимавшийся прежде как глубокое, но сугубо «американское» по значению, масштабам и последствиям потрясение, превратился в мировой финансовый, а затем и в общеэкономический кризис буквально за считанные недели, что в новейшей истории представляет собой совершенно беспрецедентное явление.

Анализируя этот феномен, Найалл Фергюссон [7] проводит историческую параллель с предшествующим американским «по происхождению» кризисом 1987 г., который, в отличие от нынешнего, представлял собой «кризис Уолл-стрит, а не всей страны». Тогда Федеральная резервная система США (ФРС) смогла достаточно быстро компенсировать те потери, которые были вызваны падениями на фондовом рынке, снизив процентные ставки и обеспечив ликвидность. Современный кризис пока не поддается стандартным антициклическим мерам воздействия.

С октября 2008 по февраль 2009 г. ФРС проводила посткейнсианские и неомонетаристские антициклические меры по сдерживанию кризисных процессов (приближение к критически низким уровням ставки ФРС, агрессивные и не всегда оправданные операции с ценными бумагами и использование средств резервов Правительства США для осуществления инъекций в национальную экономику и поддержания обменного курса доллара) и приступила к беспрецедентным, не применявшимся ранее процедурам. Аналогичные шаги, лишь окрашенные спецификой связи с историей стран европейских сообществ, предпринимались и в Европе. В США физические лица начинали отказываться от возросших расходов, связанных с погашением ипотечной задолженности, что вызвало волну продаж на рынке недвижимости. При этом наличие большого числа производных ценных бумаг, в основе которых лежали ипотечные облигации, усугубило ситуацию. Так как многие ценные бумаги были связаны с иностранными рынками и другими финансовыми инструментами, кризис приобрел международный масштаб.

Отметим, что именно в связи с рецессией США и ЕС впервые в новейшей истории попытались скоординировать антикризисную финансовую политику. Тем не менее крупнейшие коммерческие структуры (банковские группы, страховые компании, автомобильные концерны), бывшие образцами эффективности и символами конкурентоспособности, казавшиеся всему миру непотопляемыми на протяжении множества десятилетий, одна за другой продолжали обращаться к правительствам своих стран за финансовой помощью. Первые шесть месяцев антикризисной политики дали пока незначительные результаты.

Современный кризис стал первым в новейшей истории кризисом формирующейся глобальной экономики знания^{7*}. До настоящего момента нам никогда не приходилось сталкиваться с подобными явлениями. Одну из главных специфических особенностей этой экономики, ее основу, как известно, представляет собой механизм принятия рациональных решений, опирающихся на непрерывно обновляющийся поток экономически значимой и предположительно достоверной информации.

Этот поток практически непрерывен. Достаточно привести в качестве примера постоянно обновляющуюся информацию, генерируемую мировыми фондовыми биржами. Их влияние на ход нынешнего кризиса несопоставимо даже с периодом кризиса 1997 г., ибо они впервые в новейшей экономической истории сложились в единую мировую сеть, основавшую новую практику принятия финансовых решений. Отметим далее, что требования к качеству этого информационного потока исключительно высоки и непрерывно возрастают. Кроме того, информация, содержащаяся в рассматриваемом потоке, не обязательно и не всегда оказывается экономически достоверной для принятия собственно рациональных решений, способных иметь глобальные результаты. Наконец, если последнее происходит, то принимаются долгосрочные решения (в том числе инвестиционные), создающие неожиданные глубокие дисбалансы в экономике. А их корректировка либо требует никогда ранее в новейшей истории не предпринимавшихся усилий и, соответственно, не обеспечена в должной мере теоретическими рецептами, либо осуществляется через деструктивные с точки зрения экономики действия.

Важной особенностью экономики знания следует признать и беспрецедентную долю трудоспособного населения, занятого в сферах деятельности, которые прямо или косвенно связаны исключительно с производством и обработкой коммерчески значимой информации. Известно, что только в странах ЕС-27 в сферах оказания финансовых услуг и финансового посредничества занято более 27,5% всего трудоспособного населения [18]. Аналогичная ситуация с точки зрения структуры занятости сложилась и в других развитых странах и регионах. Именно этот персонал занят обработкой деловой информации профессионально. Между тем экономическая роль этих без малого 30% активного населения с точки зрения их потенциального влияния на действовавший столетия хайековский механизм генерации информации об ограниченности ресурсов, равно как и их роль в мировой экономике (как прежде всего информационной системе), практически не исследована. С позиции носителей архаичных идеологий индустриально-аграрных цивилизаций она в социуме представляется неоднозначной. С одной стороны, непосредственно эти профессионалы не участвуют в производстве вещных благ, но, с другой стороны, не являясь носителями технологической информации, они тем не менее нередко делают производство единственно рационально целесообразным. Можно выдвинуть предположение, что информация, генерируемая этим персоналом, приобретает для десятков миллионов лиц, самостоятельно принимающих экономические решения, значение по крайней мере не меньшее, чем экономическая информация, порождаемая традиционным механизмом, описанным Ф. фон Хайеком.

Каким представляется будущее мировой экономики и российской экономики как ее неотъемлемой составной части после завершения кризиса? Выход из кризиса предполагает формирование некоей новой модели развития и глобального регулирования, о чем красноречиво свидетельствуют решения апрельского саммита G-20 [20]. Выскажем лишь предположение, что нынешняя ситуация способна в долгосрочной перспективе предоставить России реальный шанс перейти к модели развития экономики, в основе которой будет лежать инновационная деятельность, что может улучшить положение России в системе мирохозяйственных связей.

*Содержательный анализ критики рецептов ревизии капитализма содержится в многочисленных работах Людвиг фон Мизеса и Фридриха фон Хайека, которых нередко относят к ультралиберальному направлению экономической мысли XX в. Сколько-нибудь подробный анализ этого направления экономической теории не является предметом настоящей статьи. Отметим лишь, что традиция апологетики базовых ценностей

капитализма (главенство идей прав человека, принципа частной собственности и недопустимости неосмысленного вмешательства в процесс конкуренции), имеющая в своей основе ностальгию по некогда существовавшему механизму саморегуляции системы, основанной на конкурентном механизме *laissez faire*, продолжает существовать и поныне (подробнее см., напр., фундаментальную работу одного из наиболее ярких последователей поставстрийского неолиберализма Артура Селдона [16]).

^{2*}Полемика о пределах и возможностях модернизации капитализма в классическом понимании этого термина, как нам представляется, восходит исторически к вопросу о допустимых пределах (и реальных возможностях) государственного регулирования национальных экономических систем. В условиях глобализации экономических процессов и борьбы за рост конкурентоспособности национальных экономических систем она приобретает новую остроту (подробнее о проблемах и методах регулирования глобальных экономических процессов см.: [14]).

^{3*}В этой связи следует подчеркнуть, что в среде теоретиков рынка настроенные неолиберально противники процессов государственного, а тем более, глобального регулирования интерэкономических процессов не отказываются от своих взглядов. Традиции неолиберализма продолжают сохранять в западной экономической мысли достаточно глубокие корни. К числу характерных публикаций, написанных в духе развития этих традиций, в качестве примера можно отнести, например, работы [15; 18]. Вместе с тем и сторонники прямо противоположного подхода к роли государства и правительства в регулировании экономических процессов продолжают сохранять достаточно сильные и аргументированные позиции (см., напр.: [9]).

^{4*}Очевидно, что сегодня нет единства мнений даже относительно того, является переживаемый нами кризис исключительно циклическим или же он носит системный либо структурный характер.

^{5*}По крайней мере на тот момент, когда статья готовилась авторами к печати.

^{6*}Об уникальности конкуренции как специфического процесса, генерирующего информацию об ограниченности доступных экономических ресурсов и принимающего форму системы цен, см.: [5]. Подробнее этот механизм охарактеризован фон Хайеком в монографических исследованиях (см.: [6], а также [21]). Предложенная Фридрихом фон Хайеком идея *каталлактики* получила дальнейшее развитие в работах его многочисленных последователей (см., напр.: [12]).

^{7*}Концепция общества знания (*knowledge society*) представляет собой результат эволюционного развития более ранней и блестяще проработанной многоуровневой вербальной модели постиндустриального общества, сформулированной в наиболее совершенном виде Дэниэлом Беллом в самом начале 1970-х годов (подробнее см.: [2]). Термин «*knowledge society*» стал широко употребляться в специальной литературе с начала — середины 1980-х годов (см., напр., статью Дж. Тиса по менеджменту, опубликованную им в России в 1983 г.: [3]).

-
1. Бауман З. Текущая современность // *Liquid Modernity* / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
 2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Academia, 2004. 788 с.
 3. Тис Д. Дж. Получение экономической выгоды от знаний как активов: «новая экономика», рынки ноу-хау и нематериальные активы // *Российский журнал менеджмента*. 2004. Т. 2. № 1. С. 95–120.
 4. Третьяк О. А., Румянцева М. Н. Сетевые формы межфирменной кооперации: подходы к объяснению феномена // *Российский журнал менеджмента*. 2003. Т. 1. № 2. С. 25–50.
 5. Хайек Ф. фон. Конкуренция как процедура открытия // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989. № 12.
 6. Хайек Ф. фон. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992. 286 с.
 7. Эксперт. Специальный выпуск. 29 декабря — 18 января 2009. № 1 (640). С. 18.
 8. Eurostat (2006) *European Business — Facts and Figures — Data 1995–2004*.
 9. Janeway E. *The Economics of Chaos. Revitalizing the American Economy*. New York: Truman Talley Books, 1989. 402 p.
 10. Johnson D., Turner C. *European Business: Second edition*. London and New York, Routledge, 2006. P. 147.
 11. Juglar C. *Des crises commerciales et de leur retour periodique en France, en Angleterre et aux Etats-Unis*. Paris, 1889. 286 p.
 12. Kirzner I. *Discovery and the Capitalist Process*, Univ. of Chicago Press, 1985. 183 p.
 13. Now! 1981. N. 75. P. 27.
 14. Nye J. S. Jr., Donahue J. D. *Governance in a Globalizing World. Why People Don't Trust Government*. Washington: Brookings Institution Press, 2000. 386 p.
 15. Reisman G. *The Government Against the Economy*. Ottawa: Jameson Books, 1979. 207 p.
 16. Seldon A. *Capitalism*. Cambridge, Mass., 1990. 419 p.
 17. Sutyrin S. F. *Global Governance in Search of Sustainability: National State Perspective* // *Economic Globalization and the Choice of Asia: Transition, Growth and Welfare*. Shanghai Forum 2008. Sub-Forum Economic

Transformation for Asia: The International Environment and Institutional Restructuring. Shanghai Forum Organizing Committee, Fudan University, 2008.

18. *Tannell M., Tannell L.* The Market for Liberty. Is Government Really Necessary? New York: Libertarian Review Foundation, 1984. 169 p.

19. The Culture of the New Capitalism . Yale University Press, 2006. 214 p.; *Bauman Z.* Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Cambridge: Polity Press, 2003. 162 p.

20. The Global Plan for Recovery and Reform. 2009. 2 April.

21. *Hayek F. von.* Law, Legislation and Liberty. A New Statement of Liberal Principles of Justice and Political Economy. Vol. 2. The Mirage of Social Justice. The University of Chicago Press, 1976. 196 p.

Статья поступила в редакцию 25 мая 2009 г.